

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Д. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires - Argentina

Cotreo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXIII Buenos Aires, Viernes 3 de julio de 1981

Буэнос Айрес, пятница, 26 июня 1981 г.

N° 1631

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

И М Е Т Ъ М У Ж Е С Т В О В И Д Е Т Ъ

В № 1602-1603 "НАШЕЙ СТРАНЫ" БЫЛ НАПЕЧАТАН ПОДЛИННЫЙ РУССКИЙ ТЕКСТ СТАТЬИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА "ЧЕМ ГРОЗИТ АМЕРИКЕ ПЛОХОЕ ПОНИМАНИЕ РОССИИ". В АНГЛИЙСКОМ ЖЕ ПЕРЕВОДЕ ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА ВЕСНОЙ ПРОШЛОГО ГОДА ВО ВЛИЯТЕЛЬНОМ АМЕРИКАНСКОМ ЖУРНАЛЕ "ФОРЕН АФФЕРС" И ВЫЗВАЛА РЯД ВЫСТУПЛЕНИЙ АМЕРИКАНСКИХ РУСОФОБОВ. В ОТВЕТ НА НИХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫН ПОМЕСТИЛ В "ФОРЕН АФФЕРС" СТАТЬЮ, РУССКИЙ ТЕКСТ КОТОРОЙ МЫ НИЖЕ ВОСПРОИЗВОДИМ.

Уровень политической полемики заставляет выслушивать весьма плоские, а притом дружные обвинения — например, что я идеализирую прошлое России, не знаю историю собственной страны, а уж тем более не понимаю Америку и всё современное человечество, ибо мало разговариваю на бензоколонках. Я предупреждал против злостных искажений русской истории, — мне приписали это как исчерпывающую систему взглядов. Историей русской революции я занимаюсь более 40 лет, сейчас оканчиваю восьмитомное повествование, которое начнёт выходить по-русски через 2 года, по-английски, может быть, через 5. В объёмном художественном анализе открываются куда более коренные пороки и ошибки многовекового русского развития, чем могут мне представить мои горячие оппоненты по газетной поверхности или привременной страсти. Конечно, художнику не место в политической полемике, она огрубляет аргументы, — но больно слышать легковерные безответственные суждения, произносимые с научным видом, а между тем поражаться беззащитности и ненаходчивости современного Запада перед мировой ситуацией — прежде всего в составе идей и уровне их исполнителей. При таком течении трудно найти покой отложить высказывание ещё на 5 лет.

1

Жизнеспособность всякой системы хорошо характеризуется её примчивостью к критике. Я всегда был уверен, что американская система жаждала критики и даже любит её. Уверенность поколебалась после моей гарвардской речи, когда в потоках гнева прессы отчётливо прозвучало: «не рассуждай, замолчи и даже убираться прочь!» Никак не ожидал встретить такую тональность и на страницах «Форэн Афферс» (г. Тривест). Я не «читаю нотации», я передаю коммунистический опыт. Мне-то лично проще всего замолчать и предоставить заботу о будущем Америки исключительно единомышленникам мистера Тривеста. Когда они испытывают всё на себе, — у нас будет полное понимание. Но боязнь критики и свежих мыслей — роковая черта обречённых систем.

Статья Тёрстона — как будто специально написана показательной иллюстрацией к моей статье: как легко западного человека дурачить в СССР. Юмористично звучит его ссылка на личный 10-месячный опыт наблюдения моего иностранца в советской столице, в отработанных условиях советской «по-

казухи», — опыт, который он отважно противопоставляет полувековому коренному опыту жителя в запретных глубинах страны. Вот и результат: его открытие о «советском патриотизме» и «гордости материальным прогрессом» (металлургии? военной промышленности?), когда нечего есть, — оскорбительно звучит цитатой из «Правды» или «Женьминьжибао». Спор о локальных и искажаемых Тёрстоном юридических деталях прежних русских десятилетий никак не вмещается на страницы «Форэн Афферс» и в эту дискуссию. Но поразишься, с какой опрострашенностью он заключает о «социалистических симпатиях» России на основе «выборов» в Учредительное Собрание — уже после большевицкого переворота, когда не социалистические партии реально были жёстко ограничены. Он механически переносит американское понятие «выборы» в крестьянскую Россию 1917 года, не понимая даже этого процесса «выборы», не готовую ни к какому сознательному голосованию. (В 1945 американцы спрашивали советских: «так если вы недовольны Сталиным, отчего вы его переизбираете?»)

Более неловко чувствуешь себя, когда такой советолог, как профессор Далин, внушает нам, что живое полувековое наблюдение за скрытыми глубинами советских пространств не столь важно, как вникнуть в мотивы тех, кто направляет советскую политику, — а для этого, очевидно, нужны только встречи с ними в Москве и анализ «Правды». Но сам же Далин в другом месте соглашается, что деятели СССР скрывают свои мотивы. Результаты таких бесед мы и видим на сплошных многолетних промахах Запада. Видел ли профессор Далин своими глазами предмет своего изучения — пространства этой поработанной страны и жителей провинции и деревни? По каким данным он так уверенно судит о неоскудении русской деревни и подъёме уровня советской жизни? Его суждения о Луне были бы точней, ибо доклады астронавтов надёжней. О советской провинции, где не хватает картофеля до весны, а других продуктов вообще не знают (и это, мистер Далин, никак не «гипербола», вам только трудно это вообразить), наш оппонент серьёзно пишет, что там распространены гордость за успехи космонавтов и шахматистов. Или вознаграждает нас расцветом «безопасной» для правительства культуры, — какой именно? Гуманитарная пропитана ложью, «точная» поставлена на службу войне, — что ж остаётся от «культуры»? (А в провинции и такой нет).

Законное желание г. Далина узнать,

откуда взялись при утаённой советской статистике цифры погибших в СССР. Но цифры профессора статистики Ивана Курганова были опубликованы в Соединённых Штатах 16 лет назад («Новое Русское Слово», 12.4.1964) на языке, доступном профессору Далину, — и странно, что он их не заметил. О новых подсчётах наших потерь Иосифом Дядькиным, сейчас арестованным, можно прочесть в «Уолл Стрит Джорнал», 23.7.1980. Порядок этих цифр — десятки миллионов — совпадает у обоих авторов. Конечно, ещё много времени пройдёт, пока мы получим уточнённые данные: советская пасть не выдаёт тайн, даже и в доверительных беседах функционеров.

Далее нам предлагают (г. Лёбль) не вдаваться в историю возникновения коммунизма в СССР, а судить лишь о сегодняшней угрозе. Но во всех областях знаний установлено, что всякое явление можно понять только зная историю его развития. От того, считать ли сегодня коммунизм (в том числе кубинский, вьетнамский, китайский) явлением исключительно русского происхождения или интернациональным и даже метафизическим, — определяются совершенно разные ответы на него: губительная ли капитуляция, идущая со времён Ф. Рузвельта, или попытка твёрдого стояния. Утверждение мистера Лёбля, что коммунизм так же национален по природе, как и национал-социализм, совсем не убедительно: тот никогда и не проявлял себя интернациональным, а только национальным, ввёл понятие «высшей нации»; и не выжигал и не вырезал прежде всего жизнь «своей» нации, как это делает в каждой стране каждый коммунизм с первого шага. И именно поэтому (как никогда не делает хитрый коммунизм) нацизм открыто заявил, что идёт обратить народы СССР в своих рабов, — и на этом, как правильно пишет Лёбль, потерпел поражение. Однако Лёбль приписывает моей статье свою тенденциозную трактовку, что только украинцы и прибалты готовы были поддержать Гитлера, — я же свидетельствую, что и все захваченные русские области ожидали от этой войны себе освобождение, и Красная армия потому бежала с такой лёгкостью. Но Гитлер объявил войну именно русскому народу, не оставляя ему выхода. И именно этот совет повторно предлагает сегодняшнему Западу те, кто считает нависшую над миром опасность не коммунистической, а русской. И этот совет будет иметь тот же уничтожительный результат.

В тоталитарных государствах самой разрушительной деятельностью считает

ся и более всего преследуется — восстановление исторической правды. Но в условиях Запада этой цели достичь нельзя, если разрешать себе высказывания недобросовестные и даже неграмотные. Тот же Лёбль: «в конце прошлого века русское правительство было союзником всех деспотических правительств». Интересно — каких именно? Справка: в конце прошлого века (с 1892) Россия имела единственного союзника — республиканскую Францию, с 1907 — Англию. «Царские мечты о мировом господстве захватили души русского народа». В XIX веке единственный «царь», который мечтал о мировом господстве, был Наполеон. Более нигде такой феномен не наблюдался, кроме необъятной Британской империи на пяти материках. Где в русской литературе, искусстве и народном фольклоре Лёбль может указать жажду мирового господства? Каким другим способом он подслушал это из «душ русского народа»? «Русская культура на первом месте повсюду в Советском Союзе». Мистеру Лёблю простительно не знать, что такое русская культура, но не следует судить по газетной наслышке. Я свидетельствую, что русская культура разгромлена и уничтожена с ненавистью в первое же советское десятилетие.

Сегодня под псевдонимом «русской культуры» выступает антинациональная и атеистическая советская культура — притом на испорченном изгненным русским языке. Интересы коммунистической Москвы — «в первую очередь русские интересы», — пишет Лёбль в споре против моей статьи, даже видимо не прочтя целых разделов её. Я именно указываю, что никакая нация под советским господством не разорена в такой степени, как русская.

Впрочем, подобные безответственности мы обнаруживаем и у более видных американских лиц. Руководитель русского цикла Принстонского университета профессор Стефан Кохен пишет («Нью Репаблик», 29.12.1979): «за период 1-й и 2-й пятилетки (то есть 1928-1937) в основном отсталое общество было преобразовано в преимущественно промышленное, получившее доступ ко многим благам современного государства всеобщего благополучия!» Фантастическое высказывание! Будь оно известно у меня на родине, его восприняли бы как глумление: это всё сказано о десятилетии всеобщего разорения, голода, хлебных карточек в мирное время, 6 миллионов голодных смертей на одной Украине, 15 миллионов уничтоженных крепких крестьян, конца сельскохозяйственного изобилия, конца промышлен-

Зарубежная жизнь

ОЧЕРЕДНОЙ ВСЕЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ

С благословения Его Высокопреосвященства Митрополита Филарета, Архиепископского Синода и Архиепископа Антония, Западноамериканского и Сан Францискоского, Объединение Русской Православной Молодежи в городе Сан Франциско устраивает 4-ый Всезарубежный Съезд от 31-ого июля по 9-ое августа, 1981. Первые три съезда были устроены в Канаде в 1973-ем, 76-ом, и 79-ом годах. Эти съезды уже стали традиционными для нашей молодежи.

Съезд состоится при соборе Всех Скорбящих Радости. Стоимость: 50.00 долларов с человека, 30.00 со студентов. В эту цену включено следующее: присутствие на докладах, питание, ночлег, несколько организованных экскурсий в окрестности города Сан Франциско (включая Форт Росс) и бал.

Мы очень надеемся, что наша православная молодежь во всех уголках русского рассеяния откликнется на наш призыв. Тема съезда: «Православие, Россия и современность.» Среди докладов намечаются следующие: «Современная жизнь православного христианина в России», «Чем угрожает нам экуменизм», «К столетию со дня смерти Ф. М. Достоевского», «Монашество и современность», «Роль женщины в православной Церкви», и другие. Кроме докладов будут проведены семинары и открытые дискуссии.

Общая дружеская атмосфера на съезде, скрепленная верностью нашей Православной Церкви, будет залогом успеха будущего съезда, как и объединяющим началом православно и национально мыслящей русской молодежи. Помните, что в единении — сила. Итак, до скорой встречи в Сан Франциско!

Желающие помочь устройству съезда могут жертвовать по ниже указанному адресу.

Правление
R. O. Y. AL.
Russian Orthodox Youth Alliance
P. O. Box 26142
San Francisco, CA. 94126

НАЗНАЧЕНА ДАТА ДЛЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ НОВОМУЧЕНИКОВ

Синод Русской Православной Церкви за границей постановил созвать Архиепископский Собор 18-го октября и для его подготовки образовал Предсоборную Комиссию под председательством архиепископа Виталия в следующем составе: епископ Лавр, епископ Григорий, протопрезвитер Иоанн Легкий, протоиерей Валентин Хмельев, протоиерей Георгий Ларин, протоиерей Владимир Шишков, священник Виктор Потапов, князь Т. К. Багратион, князь В. К. Голицын и П. Н. Колтыпин. Комиссия может пополняться путем кооптации.

Само торжество прославления новомучеников назначено в ньюйоркском синодальном соборе Знамени Божией Матери на 1 ноября 1981 года, с тем, что торжество в других епархиях будет иметь место в первый воскресный день через неделю после того.

Синод также постановил продолжать работу по составлению списков новомучеников с распределением их по месяцам. Эта работа уже ведется в Свято-Троицком монастыре, в Джорданвилле.

ПЕРЕИЗДАНИЕ ТРУДА С. С. ОЛЬДЕНБУРГА

Бывший член Высшего Монархического Совета Ю. К. Мейер выпустил из печати второе издание ставшего библиографической редкостью капитального труда академика С. С. Ольденбурга «Царствование императора Николая Второго». В книге — 680 страниц и 50 иллюстраций. Обложка — мягкая. Стоимость — 11 долларов с пересылкой. Тираж ограниченный. Заказы следует направлять по адресу:

Fr. George Meyer. 8811 Colesville Rd., Apt. 618
Silver Spring, Md. 20910. U.S.A.

КОНЧИНА БЫВШЕГО РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ "РОССИЯ"

После продолжительных страданий 8 марта скончался мичман Российского Императорского Флота, инженер-металлург Георгий Борисович Александровский. В 1964 году он продолжил издание ньюйоркской национальной газеты «Россия», перенимая ее у наследника ее основателя П. Н. Рыбакова. Не щадя сил и здоровья, он девять лет издавал газету, но трагическая автомобильная катастрофа в 1973 году приковала его к постели и «Россия» прекратила свое существование. Вследствие этого несчастного случая для русского Нью Йорка навсегда пропала альтернатива русской национальной газеты — на восточном побережье США полностью воцарилось «Новое русское слово».

тени многомиллионного насильственно-го ГУЛАГа принадлежала Троцкому (принудительные «трудоармии»), и ему же — бессмертное изобретение первых «газовых камер» (баржи, потопляемые в море с сотнями людей), и ему же — массовые расстрелы собственных военнослужащих, не идущих воевать за большевиков. И народный геноцид на Дону — расстрел более 1 миллиона 200 тысяч гражданского казачьего населения, принадлежит тем же двум бессмертным авторам. Весь замысел: пропагандно наделить крестьян землей и тут же отобрать её вместе с урожаем — Ленин. Объявить войну зажиточному крестьянству (ниже уровня среднего американского фермера), и с тысячами расстрелями крестьян — Ленин. Согнать крестьян в управляемые коммуны и артели — Ленин. Подавить всякую печать — Ленин. Разгромить независимое рабочее движение («съезды заводских уполномоченных») и профсоюзы — Ленин и Троцкий. Неумеренно эвфемистично называет Таккер такой строй «авторитарным», — а слово «тоталитарный» он не может выговорить в отношении к нему.

Читая полную переписку Маркса и Энгельса, опубликованную по-русски (такая возможность у проф. Таккера есть), — можно было бы изумиться крайней беспринципности и бессовест-

ности этих заговорщиков и их яростной «ортодоксальности» («русская черта» по Таккеру), если б не иметь перед глазами более поздних множественных примеров. В их взглядах мы уже узнаём и люютый атеизм как главный стержень мировоззрения, и люютую нетерпимость и злобу ко всем остальным партийным направлениям и даже к некоторым славянским народам, взятым в целостности. А вот из их известных высказываний:

«Существует лишь одно средство сократить, упростить и сконцентрировать кровавую агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм».

(К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения (на рус. яз.), 2-е издание, т.5, стр. 494).

«Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придёт наш черёд, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами». (Там же, т.6, стр. 548.)

«Народная месть прорвётся с такой яростью, о которой и 1793 год не может нам дать никакого представления». (Там же, т. 2 стр. 515).

«Противодействовать попыткам буржуазии внести успокоение, вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы. Не только не выступать против так называемых эксцессов, против случаев на-

ности изделий массового потребления, отсутствия по всей стране одежды, обуви, тканей, домашних предметов, — с заменой на тяжёлую индустрию и показатели для иностранцев магазины в Москве. В эти годы пещерного оскудения и озверения, которые Кохен сравнивает со всеобщим благополучием, — население моей страны казался утерянным чудом последний предвоенный 1913 год. И к изобилию того «царского» года наша страна и издали не приближалась за минувшие 70 лет.

Если такой промах может допустить руководитель всего русского обучения ведущего университета, — удивляться ли, что один из кандидатов в президенты США Э. Кеннеди, недавно выразился, что стеснения в мясе нисколько не страшны советскому руководству: оно «просто» будет кормить население курицами. Человек, который претендует на правление мировую политику и экономикой, не знает такого простого, что в СССР куриное мясо — на вес золота, что его нигде нет, невозможно достать даже для диетического больного.

Это парение в сфере иллюзий, этот как будто нарочитый самообман — характерная черта западной прессы и многих западных политических деятелей; верить только в желаемое и словесно заклинать, чтобы осуществлялось именно оно. Так «Нью-Йорк Таймс» в июне 1945 собственным авторитетом подтверждала — для какой же цели? — что катынские убийства совершены не коммунистами, а гитлеровцами. Это, с тех пор, едва не всеобщее желание иметь дело с иллюзиями, а не с фактами, и доверчивое принятие недобросовестных сплетен о русской и советской истории — закрывают глаза Западу в нынешний грозный момент, закрывают возможность понять истинное положение и найти пути спасения, Запад как будто не хочет знать истины до того момента, когда знать её будет уже поздно.

2

Статья профессора Таккера явно выражает не только его личные взгляды, но устойчивые взгляды целой среды, весьма влиятельной, даже определяющей для направления американской политики: приходят ли к власти демократы или республиканцы, тот или иной президент, — все ведущие эксперты и советчики набираются из этой среды. (И характерно, что проф. Далин присоединяется к существующим опорным пунктам статьи проф. Таккера.)

Центральная точка здесь — непонимание природы коммунизма: как концентрации непримиримого и динамического Зла (ведь слово «зло» теперь считается ненаучным, и даже неприличным, ни «зла», ни «добра» нет, а есть только плюрализм равноценных мнений); как явления интернационального и всеисторического (лишь крайний полюс социализма), а вовсе не локально русского. От этого — непонимание всего нынешнего советского феномена.

Кто вчитается внимательно в статью Таккера, — увидит, что Таккер испытывает сочувствие к «чистому» коммунизму, к ранним ленинским годам его и, конечно, никакого осуждения марксистскому учению. Ему, быть может, неловко выразить это сегодня прямыми словами, но это — во всей композиции его мышления. Для того и понадобилось ему передвинуть всё зло коммунизма на сталинские годы и от них потянуть хобот в поисках происхождения в русский XVI и XV век. За ленинскими годами Таккер отрицает даже насильственную систему ГУЛАГа, отрицает принудительность труда в ленинских концлагерях, и даже оправдывает их тем, что в них заключались будто бы лишь «противники большевистской власти», — а не просто подряд все яркие личности, и кто не нравился большевикам по происхождению и личному поведению. (Это всё достаточно изложено в «Архипелаге ГУЛАГа», и я предлагаю профессору Таккеру решиться на то, на что не решилась советская власть: прямо опровергать «Архипелаг» по пунктам.)

Пора же, наконец, называть вещи своими именами: что октябрьский переворот Ленина и Троцкого против слабой русской демократии был банديстским. Что он был произведен с большой финансовой помощью вилгельмовской Германии. Что коммунизм первых лет был такой же грязной, коварной, жестокой, бесчеловечной системой, как потом и сталинский. Что заслуга изобре-

родной мести к ненавистным лицам или официальным зданиям... но и взять на себя руководство ими». (Там же, т.7 стр. 263.)

«Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила». (Там же, т.37, стр.420.)

«Политическая свобода — ... хуже, чем самое худшее рабство». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, М, 1929-1953, Госиздат, т.2 стр.394.)

«Смотря в будущее я вижу нечто такое, что будет сильно отдавать изменой отечеству; вот это для нас фатально» (Там же, т.22, стр.138.)

«В одно прекрасное утро наша партия благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти... Мы будем вынуждены проводить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, что они несвоевременны... Прежде, чем мир будет способен дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать... чудовищами, на что нам, конечно, наплевать». (Там же, т.25, стр.187.)

Маркс и Энгельс не раз повторяли, что «став у кормила власти, мы вынуждены будем разыграть 1793 год».

И Ленин никогда не скрывал своих исторических истоков и не приписывал им происхождения из русских традиций. Он и постоянно цитировал и клялся именами, и применял на деле Маркса и Энгельса (что, однако, не даёт коммунизм немецким явлением). И, следуя им, открыто и многократно восхвалялся якобинским террором — и массовыми казнями и массовым потоплением обречённых. Он говорил: «террор обновляет страну» и не скрывал, что следует Бабефу: побеждённые классы полностью уничтожить. (Но это не делает коммунизма и французским.) Именно во Французскую революцию возникла расправа по классовой принадлежности. И названия и форма «революционных трибуналов» и даже «чрезвычайных комиссий» (по-советски ЧК) заимствованы от якобинцев (не от Ивана IV из XVI века). Сходство теории и тактики большевиков и якобинцев имеет школьную наглядность для всякого, кто только пожелает перечитать те исторические материалы. (До всех подробностей: запрещение свободной печати; уничтожение фракций; «диктатура как лучшая форма свободы»; монолитное единство всего населения; слияние государственного аппарата с партийным, а партийный подчиняется диктатуре одного лица; и даже — продовольственные отряды, грабят крестьян, разрушение церквей, перебивка колоколов, отнятие церковных ценностей.)

Странно, что проф. Таккер как будто никогда ничего об этом не слышал и не задумывался над этой прямой обнажённой преемственностью. В изложении, претендующем быть научным, он применяет совершенно несерьёзный довод в доказательство «исконно-русского» происхождения большевизма: так полагал Бердяев!..

Уже, кажется, давно ни в какой науке не считается аргументом ссылка на авторитет. Осмелимся возразить, что философия Бердяева вообще есть весьма капризное творчество. В течение своей жизни он по меньшей мере два, а в чём и три раза менял свой образ мысли почти на 180 градусов*), выступая против своих прежних взглядов как против чужих. Его книга о коммунизме в России не есть объективное историческое исследование, не анализ исторических фактов, а претворение его индивидуальных философских переменчивых установок, законченных тем, что он вывел на своём доме советский красный флаг. Многие общемировые процессы (как подмена религиозного творчества социальным) он искусственно приписывает одной России. Не останавливается перед тем, чтобы человеконенавистнический марксизм назвать «этическим учением», о Марксе и Ленине заявить, что они «хотели добра», — это звучит кощунственно над трупами замученных миллионов и перед рылом сегодняшнего мирового завоевателя. Бердяев признаёт, что в русской истории были «перерывы органического развития», — и тут же, сам себе противореча, всё строит на «органической традиции», по удобству — то от Московской Руси, то исключающей её Петербургской.

Однако Бердяев писал в 1937 году, когда ещё не выступил весь историче-

*) См., например, — Н. Полторацкий, «Бердяев и Россия». Нью-Йорк, 1967.

**К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ МОНАРХИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
В РЕЙХЕНГАЛЛЕ ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЯ ДЕЛЕГАТА**

ский объем явления. Но как можно в 1980, при 25 коммунистических странах на 4 континентах и во всех расах, — продолжать считать, что коммунизм (и его Интернационал Тррора, разветвленный ещё в 20 странах) — определился русскими чертами?

Идея Таккера, что сталинский период коммунистического Левиафана создан заимствованием из XVI и XVIII веков русской истории, не только ненаучна, но производит впечатление импрессионистической фантазии.

Неужели это научный аргумент: что Сталин, для того, чтобы рубить головы своим врагам и наводить ужас на население, нуждался в примере Ивана Грозного? А без Грозного — он бы не догадался? Мировая история даёт мало примеров тираний? Глубокие познания, что тиран должен держать народ в страхе, Сталин мог почерпнуть из первого школьного учебника по всеобщей истории, а может быть — из истории грузинского феодализма, а ещё раньше — из собственного лукавого и злобного нутра: что-то, а именно это он от рождения понимал, ему ничего не надо было читать. Или, пишет Таккер: ГУЛАГ происходит от насильственного труда при Петре I, — оказывается, насильственный труд изобретен в России! А почему не от египетских фараонов? А ближе по векам: демократические Англия, Франция и Голландия применяли насильственный труд в своих колониях, а США — даже на собственной территории, и все — позже Петра. А уж гребцы на галерах — хрестоматийны. (К чему приводит Таккер отрывок из Кеннана-старшего — совершенно не ясно, разве: доказать, что в дореволюционной России и каторга была так же открыта иностранным наблюдателям, как и суд? Можно не полениться найти у французских романистов ещё более яркое описание каледонской каторги, — и что это доказывает относительно 5-й республики? Когда в Англии впервые вышел (1881) перевод «Записок из Мёртвого дома» Достоевского, один из ведущих журналов отмечал отсутствие строгости, которое «привело бы в ужас английского тюремщика».) Исконной русской чертой являются и захваты территорий, — хотя Англия имела захваты побольше, и Франция немало, значит ли это, что английский и французский народы хищны по своей природе? И уж тем более колхозы — всемирная социалистическая идея коммуны — объясняется как проявление русского крепостного права.

Неужели это научный метод: объявить перенос приёмов управления и учреждений через 4 столетия — при отсутствии каких-либо конкретных носителей, передатчиков, партий, сословий, лиц, вперепрыг через тотальное уничтожение всех общественных институтов в 1917, — какой-то мистический перенос, очевидно, через кровяные гены? (Или, как изящнее выражается проф. Далин, — «что-то в русской почве, созданное наследственностью или средой».) И тут же рядом «не заметить» прямое наследование всего через 5-10 лет всех нужных традиций и готовых учреждений! — от Ленина и Троцкого: того же самого ЧК-ГПУ-НКВД, тех же самых «троек» вместо суда (причём тут Александр III?), того же самого (уже в наличии) ГУЛАГа, той же самой 58-й статьи, того же самого массового террора, той же самой партии, той же самой идеологии, — в пределах того же поколения и через живых носителей, успевших убивать там и здесь, и тот же самый принцип индустриализации (подавить потребности народа и съесть его тяжёлой промышленностью), выдвинутый Троцким? (Нет никакой «двусмысленности» в наследии Ленина и Троцкого, которую ищет Далин.)

Я отказываюсь приписать профессору Таккеру такую невероятную слепоту! Я вынужден увидеть в этом сознательную

попытку обелить ранний коммунистический режим, будто все его дьявольские преступления и учреждения вообще не существовали, а созданы позже Сталиным, который будто бы «разрушал» большевизм, — и почерпнуты якобы из русской традиции. Какую такую «революцию сверху» (избитый марксистский термин у Таккера) совершил Сталин? Он честно и последовательно углублял и укреплял доставшееся ему ленинское наследство в его же формах. Но даже если бы Таккеру (и многим его единомышленникам) удалось бы доказать что ЧК, ревтрибуналы, институт заложников, ограбление народа, тотальное насильственное единство мнений, партийная идеология и диктатура взяты не у своих коммунистов и не у якобинцев, но у Ивана IV и Петра I, — то и тут бы Таккер просёкся с «русской традицией». Дело в том, что для национальных мыслителей России оба эти царя были предметом порицания, а не восторга, а народное сознание, фольклор, решительно осудили первого как злодея, второго как антихриста. Что Пётр I р а з р у ш а л русский быт, обычай, сознание, национальный характер, подавлял религию (и встречал народные бунты) — это лежит на поверхности, это всем известно.

Неужели это исконная русская традиция: коммунистическая подрывная деятельность во всём мире, система экономического саботажа, идеологического разложения, террора и восстаний? Горячая сегодня среднеазиатская точка даёт нам понять разницу. Да, бухарский эмир (не Афганистан) был захвачен Россией — в том XIX веке, когда и все демократические страны Европы с моральной лёгкостью позволяли себе любые завоевания. (И Англия пыталась, но не сумела, взять Афганистан). Мне горько и стыдно, что и моя страна участвовала в общеевропейском насильственном покорении слабых народов. Но за 50 лет российского протектората в Средней Азии был мир: не подавлялась религия, быт, личная свобода — и не было движения к восстаниям. А едва захватил власть Ленин, — он с 1921 года готовил, под видом «революционной федерации», захват Турции, Персии и Афганистана. А с 1922 в Хивинской и Бухарской областях в ответ на методы коммунистов вспыхнула мусульманская повстанческая война, как сегодня в Афганистане, и продолжалась 10 лет, и подавлена уже при Сталине безмерными расправами над населением. Вот чья «традиция» — вторжение в Афганистан.

Справка Таккера (поддержанная и Далиным), что слово «сталинизм» изобретено в 20-х годах троцкистской фракцией в борьбе со Сталиным, — мне конечно известна. Но называть сегодня «сталинизмом» осуществлённую 25-летнюю эпоху гигантского коммунистического государства — значит отвлекать прикрывать непримиримую античеловеческую сущность коммунизма — главную угрозу сегодняшнему миру.

Оттого, что коммунизм — явление интернациональное, значит ли, что вовсе исключаются какие-либо его национальные признаки или обстоятельства? Не совсем, ибо коммунизму приходится действовать на живой земле, в среде конкретного народа и поневоле пользоваться его языком (для своих целей калеча его). В Китае преследуют стенные плакаты, а в СССР — самиздат. Русское городское население насильственно выгоняют работать на картофельные поля, а кубинское — на сахарный тростник. В СССР уничтожали население сылкой в тундру, а в Камбодже — в джунгли. В Югославии провели манёвр одним способом: Тито поспешно совершил массовые убийства 1945 года, — а затем притворился барашком, чтобы получить западную помощь. А Чаушеску виртуозно достиг доли внешнеполитической независимости, — но укреплением внутреннего тоталитарного духа выше 100%. По восточногерманскому коммунизму ясно, что страна не должна объединяться, а по северокорейскому так же ясно, что должна. (Не знаю, откуда взял Далин, что по моему мне-

† 3-го сего июня после тяжелой болезни скончался

**КОРАБЕЛЬНЫЙ ГАРДЕМАРИН
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ХОТУНЦОВ,**

о чем с глубоким прискорбием сообщают сын и невестка покойного
и Кают-Компания офицеров Российского Императорского Флота в
Аргентине.

† Приход Покрова Пресвятой Богородицы в Темперлее с глубоким прискорбием сообщает, что 30-го мая сего года в Розлиндейль (США) скончался

**ГЛАВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ ХРАМА, МНОГОЛЕТНИЙ ЧЛЕН
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОГО СОВЕТА И
ЧЛЕН-ПОПЕЧИТЕЛЬ ПРИХОДА**

а р х и т е к т о р

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ ГАНСОН

и выражает сердечное соболезнование сыновьям покойного
Виктору и Георгию с их семьями.

нию всякий итальянец, голосующий за коммунистов, или всякий узбек, принудительно вовлечённый в партию, теряет свою национальность? У меня сказано: «люди, отдавшие себя коммунистическому руководству, уходят душой от своей нации и от человечества вообще», — и профессор Далин мог бы не делать этого ошибочного переноса. «В ряде случаев коммунизм служит инструментом для развития национальных движений или интересов», — уверяет Далин, и так действительно думали в Штатах относительно Северного Вьетнама. Но теперь-то, кажется, разуверились? (Теперь-то всем ясно, что ни в Эстонии, ни в Польше, ни в Монголии и нигде никогда коммунизм не служил национальным интересам?) В дополнение к коммунистической пропаганде — отчего не использовать ловко ещё и национальную? — этим коммунистические правительства не брезгают. Но значит ли это, что «коммунизм во всех странах разный»? Нет, он во всех одинаковый: везде тоталитарный, везде с подавлением личности, совести, и даже уничтожением жизни, везде с идеологическим террором и везде агрессивный: конечная цель мирового коммунизма, всех видов коммунизма — захватить всю планету, в том, числе и Америку. Можно понять кремниологическую кастовую сбиду профессора Далина, что так неприятно упрощается проблема, хотелось бы видеть более тонкие градации в увлечённости вождей идеологией, — но идеология влечёт их помимо личных убеждений, — например, бессмысленно и неудержимо влечёт на мировой захват, не нужный им самим лично: как в фанатизме захватывают они Анголу, Абиссинию, Афганистан. Плохую услугу оказывают американской политике те, кто предлагают играть на «тонких вариациях» между разными коммунизмами.

Меня пытаются опровергнуть моим личным опытом: вот как заметно развивается коммунизм: при Сталине Солженицын сидел в тюрьме, при Хрущёве — напечатал «Ивана Денисовича», а при Брежневе — выслали. Удобный бродячий сюжет, он кочует из статьи в статью, прикочевал и к Таккеру! — потому ли, что не могут найти другого за 63 года благодетельного примера, чем «Иван Денисович»? (А не появился «Иван Денисович» — ещё лучше: или вовсе не было при коммунизме лагерей, или русский народ не способен сам о них сказать.) Но пример Хрущёва — это то самое исключение, которое ещё строже подтверждает правило: изо всех коммунистических правителей он единственный был свергнут внутренними партийными силами именно за то, что он единственный иногда отступался от коммунистической догмы в сторону человечности, уж Ленин-Троцкий-Свердлов-Сталин-Молотов-Брежнев в сторону человечности никогда не делали ни шагу. Но и Хрущёв был верен марксизму в его главном сатанинском стержне: в истребительной ненависти к религии.

Тактические манёвры у коммунизма можно найти и покрупней, чем «Иван Денисович», — НЭП, обманное «восстановление» понятия родины и церкви Сталиным, «борьба за мир» во времена американской ядерной монополии, «пусть цветут сто цветов», «мирное существование», даже уход из Австрии, теперь «разрядка», — но это всё пока-

зывает не изменение природы коммунизма, а его маневренную гибкость и беспощадность.

Полемизируя со мной, Таккер — да и Далин — избежали кардинального вопроса, а жаль: коммунизм («чистый», марксистский) — зло или нет? Способен он подобстрель и излечиться? Угрожает он, как удав, удушением всему остальному миру, или нет?

От этого вопроса Таккер уклонился. Зато он спешит предупредить мир о несравненно большей опасности: «острозлокачественной форме национализма», которая «прорастает» разгромленный, обезглавленный, в порошок истёртый, при последних вздохах своей жизни русский народ.

3

Плодоносность политической теории определяется её практическими результатами. Теория о том, что коммунизм есть явление по своей природе национальное русское, что коммунизм и русский народ едины и надо воевать против них соединённо, есть не только повторение обезумелой гитлеровской тактики, которая в самой себе несёт поражение. Но она и в других отношениях питает иллюзиями вместо реальности: она заставляет видеть в нынешнем коммунистическом СССР наследника прежней России, а значит «нормальное» государство, которое стремится к обеспечению интересов своих и своего населения, — а потому с ним можно действовать традиционно, вступать в разумные переговоры, договоры, к-м-промиссы, делить сферы влияния. А это совсем не так: никакое коммунистическое государство не заботится об интересах своего населения, и не зависит от его мнения, — и готово хоть полностью этим населением пожертвовать, чтобы достичь интернациональной победы. (Может быть, это виднее поблизости, на примере Кубы.) Поэтому с коммунизмом невозможен никакой реальный компромисс, его невозможно ни задобрить, ни подкупить, ни умиротворить, — и вереницей уступок западный мир лишь ухудшает своё положение. Советская держава отнюдь не преследует своей государственной выгоды, советские народы только страдают от бесконечной мировой агрессии и расстраты капиталов и людских жизней по всем материкам, — но ничто, ни даже личность правителей не может остановить свойства коммунизма расширяться.

Для коммунистических стран нетерпимо само существование на Земле других стран с преимуществами экономики или свободы, невыносим этот завидный для населения пример другой жизни, — такие страны необходимо подавить и завоевать. Коммунизма нельзя объяснить на дипломатическом, юридическом, экономическом языках.

Но самый большой успех, достигнутый коммунизмом, — даже не военный, а пропагандный: что остальной мир верит в его смягчение и в «хорошие» варианты коммунизма. Что западный мир послушно принимает даже язык коммунизма: называет тиранические режимы Восточной Европы — «народными демократиями», подрывную войну по расшатыванию Запада изнутри — «разрядкой». В первые месяцы коммунистической Камбоджи по тону из Пном-Пеня иные западные газеты попугайски но-

* The Athenaeum, № 2788, 2 апреля, 1881, стр. 455. Более тяжёлые условия английских заключённых по сравнению с заключёнными русскими отмечали и другие журналы.

звали начавшийся там геноцид — «крестьянской революцией». Да советские агенты имеют свободу даже на страницах крупнейших американских газет высмеивать, что никакой советской агрессии не существует вовсе, расслаблять американцев ложью, что коммунизм — не интернационален и никому не угрожает. Напротив, западная читающая масса уже и поверить не может, что в Советском Союзе и в Китае — по сегодня всеобщее недоедание и нет главных товаров для населения, во многих снабжение по карточкам, — а считает это «пропагандой» врагов коммунизма. 35 лет идёт реальная война, вереница западных отступлений, отдалено более 20 стран, — а на Западе все согласно называют эту Третью Мировую войну — «мирным сосуществованием». Меняются президенты, государственные секретари, эксперты Белого Дома и Госдепартамента, а новых идей нет, идеи всё те же: проводить всё более «тонкие различия» между разными коммунизмами, группировками и их лидерами, и балансировать на них, — то есть неуклонно сползать в пропасть ступенями уступок и капитуляций. (И ещё следующие, быть может, зреют сегодня в Государственном Департаменте.) Теперь мы слышим настойчивую «новую» идею: предупреждать бояться не того дядюшечки Катка, который прокатал уже полчеловечества и скоро прокатает вторую, — но бояться возрождения национальной России к своему излечению. Новых идей нет. Мудрено им и вспыхнуть в самодовольной секулярности, замкнутой сама на себя.

Теория тонких различий в разных коммунизмах (или по Далю: «значительных вариаций внутри коммунизма», «вариаций, градаций и перемен», «более дифференцированного и сбалансированного понимания», «искусного подхода») в вопросах более крупных, чем продажа партии товара, мало сказать бесполезна, — она для Запада губительна. Перед лицом всеуничтожающей мировой силы, нависающей уже над самой Америкой, предлагается: верить, что коммунизм вдруг переменится к доброму и откажется от агрессии; что существуют «миролюбивые советские руководители» (особенно — Брежнев); что есть принципиальные расхождения в Политбюро; что сменится их поколение — и всё смягчится... Надеемся, что коммунистические правительства Восточной Европы или Азии вдруг выйдут из повиновения Москве (пример Албании или Северной Кореи не слишком укрепил Запад, пример Румынии не принёс добра её народу), и для того подкупать их торговыми льготами (облегчая финансовое бремя СССР). Что расколет европейское коммунистическое движение (не слишком долго французская компартия играла в самостоятельность, и все компартии в момент оккупации готовно предоставят кадры для управления своими странами). Что вьетнамский, кубинский, ангольский, абиссинский и другие рассыпаемые по земле метастазные коммунизмы будут проводить свою национальную политику и охотно дружить с Соединёнными Штатами. Что коммунистическое движение увязнет в исламе.

В цепи этих несбыточных надежд пока не осуществилась ни одна, кроме советско-китайского раскола, на котором и строятся теперь надежды и планы Соединённых Штатов. Уж Китай — мыслится, как будто это и вообще не коммунистическая страна, как будто там нет тоталитарного угнетения своего миллиарда людей. А Китай — как Советский Союз в 30-е годы, — остро нуждается в западной технической помощи и для того старается изобразить собой приличное государство. Но в глубинах Китая, для народа, поддерживается прежняя неприязнь к Америке и отвращение к американскому образу жизни, — и поворот против Соединённых Штатов будет для властей осуществим в одну ночь. Да даже и сегодня, твёрдый во внешних действиях, как всякий коммунизм, Китай уже потребовал снять защиту с Тайваня, а вот и предложил американцам убираться из Южной Кореи. Придётся время, Китай взвесит: стоит ли ему stalkиваться с СССР, а не выгодней ли сговориться? (Нынешняя отмена культа Мао в Китае — уже шаг в этом направлении.) И в отношении Китая просчёт американской дипломатии всё тот же: его рассматривают как «нормальное» государство, а это только — корпус коммунистической агрессии, для которой сегодня просто ещё нет сил.

35 лет Соединённые Штаты и весь Запад идут дорогой добровольных поражений — треть столетия это движение уже исторических масштабов, и оно не пройдёт даром. Соединённые Штаты начинали это отступление ещё при подавляющем превосходстве своих сил, а сегодня в Вашингтоне спохватились, что баланс мировых военных сил — уже против Запада, перевес весов пропустили по благодушию и самодовольству. Если не устояли тогда — то теперь устоять труднее. Нагонять — труднее. Но самая большая слабость — не военная, а психологическая. От молодых людей призывников и до руководителей государства все надеются на хороший исход и робуют принять самоотверженные и смелые решения, — до тех пор, пока это станет уже поздно: когда придётся биться за собственную территорию. Запад морально не готов к конфликту и борьбе, не готов дать себе отчет, как далеко, если не бесповоротно, зашла опасность. Запад всё пытается надежды на ложную «разрядку» — наиболее удобную форму затяжной победоносной войны для СССР. Советские вожди и предпочитают захватывать все мировые позиции именно в форме «разрядки», терроризма и государственных переворотов, — зачем им всеобщая война, особенно атомная? (Атомная война, я думаю, уже исключается — к счастью для человечества — из обоюдной стратегии: советские вожди становятся основательнее уверенны, что завоеуют мир и без неё, а Запад морально не сможет применить атомное оружие первым, — да и что такое был бы западный атомный «успех»? уничтожение не столько «воих действительных врагов, сколько потенциальных союзников — порабождённых народов.) Под видом «разрядки» Западу ещё удаётся оттягивать прямое столкновение, но с тем, что оно произойдёт в обстановке куда более тяжёлой для Запада. Скоро Соединённые Штаты узнают горячее и свою близкую южную границу: уже и так 20 лет прямо в американский живот наставлен кубинский пистолет. Теперь Соединённые Штаты ещё немного помогут, как уже и делается, никарагуанским коммунистам и панамским революционерам, — уже пала Кастро похвалял их за это — и Южный фронт против Соединённых Штатов будет готов. Кубинский пистолет, 20 лет беспрепятственно наставленный на Америку, каждый день демонстрирует миру и унижение американских принципов, и степень американской слабости. Сегодняшняя американская внешняя политика — утлое, робкое лавирование, угрождение и задабривание возможных врагов. (Но не поможет оно ни в Зимбабве, ни в Анголе, ни в Никарагуа и атомное снабжение Индии не отвернёт её от СССР, пустой лотерейный номер.) И даже те, кто предлагает твёрдую позицию относительно коммунизма, удерживают иллюзию, что коммунизм можно обратить к внутренним демократическим реформам. Всерьёз — никогда.

Только если признать неотвратимость мировой опасности, интернациональность коммунистической задачи от самого начала, понять, что решающего конфликта с коммунизмом западному миру избежать не удастся и уже откладывать осталось недолго. — только в этом случае Запад способен будет перейти к открыто-принципиальной и гордой защите свободы во всём мире — от Кубы до Тибета, до Волги и до Берлина, а не сделок с угнетателями. Только внятия в тотальную непримиримость коммунизма даёт единственную трезвую надежду на спасение человечества при стольких уже загубленных и сланных позициях. Зрение состоит в том, что в с е народы, порабождённые коммунизмом, от кубинского под вашим боком и до русского в противоположном бастионе, суть жертвы коммунизма и враги коммунизма, а потому — естественные ваши союзники. Запад так чуток к пожеланиям народов Третьего мира — и так глух к чаяниям народов коммунистических стран.

Единственная и глубокая политика Соединённых Штатов может состоять не в заигрывании с каждым переворотчиком в шатко-нейтральной стране, не в угождении каждому советскому эмиссару, который представляет не население, а свою правящую клику, не в игольчатом балансировании между мнимыми соперниками коммунистическими фракциями — но: открыто стать на сторону всех порабождённых народов против поработившего их всемирного коммунизма. Открыть пропагандное наступление

Ввиду вкравшейся в прошлом номере ошибки, повторяем анекдот.

И смех и грех...

— Как будет называться фильм, за который дадут в будущем году ленинскую премию?
— «Бровеносец в потемках».

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Телефон Редакции: 52-7426.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ПРЕТЕНЗИЯ СНЯТА

Спасибо за Ваше письмо. Мы всегда рады, когда русские журналы и газеты печатают материал близкий нам по духу и по качеству. Издав книгу Осипова, не из коммерческих соображений, мы перед автором взяли на себя обязательство защищать его права и имя везде, в частности и на западе, и до сих пор

старались аккуратно исполнять свой долг, например проверяя переводы на иностранные языки и преследуя пиратские издания. В данном случае Вы конечно правы, что самиздатский материал пришел на запад не в одном экземпляре, и «Посев» свою претензию снимает. Мы не знали, что Вы перепечатавали не с нашей книги.

Н. Б. Жданов (Зап. Германия)

Н. СОБАКИН

ПРИНЦЕССЫ, ПРИНЦЫ И ГОРОХ

(Неоконченный фельетон)

Совсем еще недавно, во всём мире была только одна принцесса на горошине, да и та в сказке. А теперь, и не скажешь, кого больше, принцесс таких или принцев, тоже, до мучений (своих и чужих), чувствительных. Только те и другие от прародительницы своей сказочной вперёд далеко шагнули. Во первых, они теперь не сказочные, их руками потрогать можно, хоть, впрочем они сами кого хочешь тронут, а во вторых, никаких горошин! Горошины заменены маковыми зёрнышками; одного такого зёрнышка достаточно, чтобы любые принц или принцесса глаз во всю ночь не сомкнули. А от горошины, упаси Бог, и дух испустят неровен час!

Еще, что их от классической принцессы отличает, это сочетание повышенной чувствительности ко всему, что касается их, с пониженной до жестокости во всем, что касается других. Андерсеновская принцесса никого ни в чем не упрекала, страдала молча, по неопытности не понимая, почему не спит. А современные понимают, огрызаются на весь белый свет, неэтичных противников своих укладывают на булыжники и удивляются, чем те недовольны, каких еще постельных принадлежностей им не хватает? Сами на маковке ёрзают, а тут удивляются!

Жила-была принцесса по девичьей фамилии Мимоза-Собакевич. Очень чувствительная дама, если на неё кто-нибудь косо взглянет и совсем бесчувственная к чужим, самым любимым мозолям, по которым пройдёт, бывало, каблучками для сокращения пути. На одном конце Света, скажем, кто-нибудь чихнёт, она сейчас же на свой счёт принимает и кричит, точно крысу увидела. Муж на цыпочках ходил, в глаза заглядывая боялся. Только раз голос подал, чуть слышно, чуть дыша, когда его принцесса картошку на вазелине жарить вздумала. Да, и не рад был! Он ей:

— Кисанька! Может, всё-таки, на масле лучше?..

А она, как зальётся:

— Не смей на меня ногами топтать! Завтра же к маме съеду!

Да, что — принцессы! Сейчас и принцы такие же на свободе гуляют, и пишут. Если один на другого наткнется, ну, тогда святых выноси, пока те сами не разбежались! А если, при этом, тонкая нервная организация с умственной неполноценностью сочетается, то и непоправимые последствия случаются.

Некая советская принцесса слушала доклад профессора Павлова, сифилитолога, брата прославленного академика. Узнав, что сифилис был завезён в Европу из Африки, подобно тому, как картофель из Америки, образительная слушательница поклялась никогда больше картошку в рот не брать. Нарушила ли она клятву, хоть по окончании ВУЗ'а, не выяснено, но доподлинно известно, что она защитила диссертацию по логике и получила звание доктора. О последствиях не трудно догадаться, а ведь, таких принцесс, на горе человечеству, не только в СССР докторами делают! И принцев хватает. Думаете, тут их нет? А познаться с нашей печатью, там и найдёте последствия. Вполне логичные.

А вообще, у нас так: если «караул, обижают!!!» — это под перинной маковое зёрнышко. А грохот горного обвала — на зёрнышко ответ. Например, недавно... Погодите, кто-то в окошко стучится!

Беда! Это она — логическая картошка. Ничуть не постарела, зёрнышко на ладошечке показывает и пальчиком так, строго-престрого, ни-ни, что! Рядом принц, очень этичный, встревожен; ему тоже какой-то коммунистический агент зёрнышко под перину сунул, пять ночей не спал. А за обоними пирамида черепов, на манер верещагинского апофеоза. Дежурит, для ответа на любое неэтичное выступление.

Пусть дальше, кто хочет пишет, а я боюсь!

Н. СОБАКИН

такой же силы и пронизательности, как 60 лет ведут коммунисты против вас, и не трепетать, что в ответ будет браниться лживая «Правда». В моей статье я и поражаюсь, как бездумно отбросил Запад мощную невоенную силу эфира, зажигающий эффект которой в коммунистической мгле даже не может вообразить западное сознание. Так можно установить прямой контакт с подневольными народами и способствовать росту их самосознания и высвобождения. (Радиостанции и телестанции Запада в их сегодняшнем виде совсем не готовы к такой роли. А, например, «русская секция» радиостанции «Свобода», несмотря на многолетнюю работу, из-за своей принципиальной чужести и даже враждебности русскому национальному сознанию катастрофически утерьяла контакт с русским населением и русскими интеллигентами.) Для всего этого нужна крутая

ломка традиционной межгосударственной «вежливости», но коммунисты давно её растоптали, да и в Тегеране мы видели цену ей.

Для спасения Запада из сегодняшнего положения нужно вырваться из рутинного процесса, нужны смелые решения выдающихся руководителей.

Я мог бы и не спешить со всеми этими аргументами. Уже становится ясно, что ни одна моя статья, ни десять моих статей, ни десятеро таких, как я, — не способны выстраданный опыт и даже нарушить тот эфирный комфорт, который царит в американской политической науке. Я мог бы и не спешить, потому что уже на пороге те события, которые сами бесповоротно откроют Запад его просчёты.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Вермонт